

«Дом с мезонином»

«Призвание всякого человека, – говорит Чехов устами художника в «Доме с мезонином», – в духовной деятельности, в постоянном поиске правды и смысла жизни... удовлетворить его могут только религия, науки, искусства... Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды, смысла жизни, ищут Бога, душу». В этих словах и определяется общее содержание творчества Чехова, и посвящено оно тому, в чем автор видел задачу истинной науки и искусства: исканию правды, Бога, души, смысла жизни.

По С. Булгакову

Близорукое и слепое повторение никому не нужной и прописной морали, иначе говоря, повторение пошлости и рутины имеет иногда жестокие результаты. Это превосходно показано Чеховым в рассказе «Дом с мезонином». Здесь изображены мать и две сестры, из которых старшая, Лидия, — учительница земской школы, а младшая, «Мисюсь», как зовут ее в семье, еще на положении ребенка и не участвует в серьезных разговорах. Учительница узко, прямолинейно и односторонне долбила о значении школы, библиотек, аптек и больниц и презрительно относилась к художнику, от лица которого ведется рассказ, как бы красноречиво ни доказывал призрачную ценность убеждений учительницы. Мать считала Лидию замечательным человеком и поддакивала ей, как авторитету. Младшая же сестра, Мисюсь, не была заражена никакими сентенциями и тенденциями и оставалась умной, доброй и искренней девушкой со свободными взглядами. Художник полюбил Мисюсь, а Мисюсь полюбила художника, но она не имела тайн от матери и сестры и после объяснения с художником поделилась с ними своими чувствами и спросила позволения на брак. Когда на другой день художник пришел за ответом, Лидия, занимавшаяся с детьми разучиванием басни «Ворона и лисица», заявила художнику, что ее сестра и мать утром уехали к тетке, а зимой они поедут за границу. Уходящего из усадьбы художника догнал мальчишка и передал ему записку от Мисюсь. «Я рассказала все сестре, – прочел художник в этой записке, – и она требует, чтобы я рассталась с вами. Я была бы не в силах огорчить ее своим неповиновением. Бог даст вам счастья, простите меня. Если бы вы знали, как я и мама горько плачем!» Вполне очевидно, что педантизм и основанное на нем презрительное отношение Лидии к художнику взяло верх над проявлением искреннего чувства Мисюсь. Это ли не жестокость и, главное, кому она нужна?! Подобные жестокости, встречаемые повсюду, создаются все тем же уважением ко всевозможным традициям, когда-то сознательно выдуманным людьми, а потом поддерживаемым в силу одного только недоразумения. Бедная Мисюсь, бедная ее мать!

Как бы то ни было, но будет правильным обобщить вопрос, которым Чехов заканчивает свой «Дом с мезонином». «Мисюсь, где ты?» – спрашивает Чехов, словно желая задать вопросом: где все, похожие на Мисюсь, где люди, которых не связывают пути рутины, привычки, традиции, пошлость, фальшь и ложь; где люди смелые, искренние и свободные, не стесняемые всякими приличиями и обычаями, не затуманенные призраками будто бы святого предания? Их, этих людей, мало, а вместо них рабы привычного, давно установившегося мирозерцания, устаревшего и потерявшего значение. И самый внимательный пересмотр современных идеалов, с точки зрения Чехова, следует считать насущно необходимым. В этом отношении Чехов не делает исключения и для нравственности, кодекс которой ему вовсе не представляется незыблемым и не требующим поправок и изменений.

По И. Казанскому

Без труда не может быть чистой и радостной жизни. Человек должен трудиться. Но такой вывод многое оставлял еще не решенным. Главное в том — каковы условия труда. Вот ведь народ трудится, но разве он счастлив? Нужно, чтобы труд стал всеобщим и свободным, чтобы он не поработал человека. Подневольный труд не приносит счастья, народ остается угнетенным. Тема труда все больше сливалась в сознании Чехова с темой народа. В повестях «Дом с мезонином» и «Моя жизнь» эти темы слиты уже безраздельно.

С первых же страниц «Дома с мезонином» мы попадаем в необыкновенно поэтический мир. Вместе с героем повести, художником, мы проходим по красивой аллее, густо усыпанной еловыми иглами, любуемся золотым, переливчатым светом на вершинах деревьев, бредем по заросшему саду, мимо зеленых ив и широкого пруда. По ту сторону пруда — деревня; веет очарованием «чего-то родного, очень знакомого». А после того как художник встречает у старинных каменных ворот со львами двух сестер, девушек-красавиц, он возвращается домой «с таким чувством, как будто видел хороший сон». Художник стал бывать в этом доме, милом, наивном старом доме, который глядит окнами своего мезонина, как глазами; он полюбил младшую сестру, победил ее сердце своим талантом, ему страстно хочется писать только для нее: «...я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарей, этой природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным».

Но странно — мы читаем страницы, посвященные роману художника и Мисюсь, трогательно-наивной девушки с бледным лицом, тонкой шеей и широко открытыми глазами, и, любуясь красотой их отношений, в то же время не можем освободиться от ощущения, что все это «хороший сон», нежный и хрупкий, вот-вот он разлетится от грубого прикосновения. Так и случилось. «Неизменно строгая», пугающая всех своей загадочной серьезностью Лида потребовала, чтобы Мисюсь рассталась с художником. И Мисюсь исчезла...

Дело не только в том, что сухое, бездушное существо запретило любовь художника и Мисюсь. С самого начала на эту любовь легла печать обреченности. Любовь эта, как маленький островок среди моря бед и страданий. Все действие разворачивается в имении Волчаниновых. Но по другую сторону широкого пруда — деревня, и это словно какой-то другой мир, суровый и тревожный. Он все время напоминает о себе, врывается в тихую, поэтическую жизнь обитателей дома с мезонином. Сразу же после слов художника: «И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон» — следует известие о пожаре в селе Сиянове, о мужчинах, женщинах и детях, оставшихся без крова. Лида Волчанинова собирает деньги на погорельцев, но она меньше всего выступает как представитель «того», страшного мира. Шуршащая по траве рессорная коляска, на которой она разъезжает с подписным листом, выразительно контрастирует с неизвестными, оставшимися без крова бедняками.

«Когда зеленый сад, еще влажный от росы, весь сияет от солнца и кажется счастливым, когда около дома пахнет резедой и олеандром, молодежь только что вернулась из церкви и пьет чай в саду, и когда все так мило одеты и веселы, и когда знаешь, что все эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будут делать, то хочется, чтобы вся жизнь была такою!» — восклицает художник. А затем мы снова слышим голос того мира, что раскинулся по другую сторону широкого пруда, — мира, где люди поглощены не созерцанием природы, не весельем и разговорами, а тяжелым, рабским трудом: Мисюсь рассказывает о хромой Пелагее, которую исцелила знахарка, и мир темноты, невежества, болезней, бед незримо встает перед «здоровыми, сытыми, красивыми» людьми. Он приковывает к себе внимание, требует ответа. Нужно помочь народу реально ощутимым делом, нужны деятели, которые встали бы на сторону народа, прониклись бы его коренными интересами, связали бы свою личную судьбу с его большой и тяжелой судьбой.

Лида Волчанинова как будто стремится прийти крестьянам на помощь. Но она хочет помочь им в малом, не меняя главного — подневольных, рабских условий существования. Убежденная защитница теории «малых дел», она отстаивает крохоборческие меры борьбы с нищетой и голодом — «медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки». Художника раздражает вся эта фальшивая, барская филантропия. «Легко быть благодетелем, когда имеешь две тысячи десятин», — говорит он Лиде. «Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья...»

Всем развитием повести, где Лида выступает в роли «запретителя» любви, подбором деталей Чехов осуждает Лиду — ограниченного, духовно бескрылого человека. С симпатией относится он к словам художника, разоблачающего фальшь Лидиной благотворительности.

Однако при всей важности спора художника и Лиды неверно сводить содержание рассказа к одному этому столкновению. И Лида, и художник, как бы ни спорили они, как бы ни пылали негодованием друг к другу, все-таки находятся по одну сторону широкого пруда, среди «мило одетых и веселых, здоровых, сытых, красивых людей». А против них встал другой, страшный мир, где людям «некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобию; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить».

Глубоко противоречива натура художника. Он и Мисюсь не имеют никаких забот и проводят жизнь, как он сам говорит, в полной праздности. Он мечтает вместе с ней жить в мире чудесной, очаровательной природы. Но этот же художник глубоко страдает при мысли о поработанном народе, опутанном «цепью великой». И праздность его не просто безделье, а нежелание «поддерживать существующий порядок».

«Дом с мезонином» предстает перед нами как важная веха в творческом развитии Чехова. Жизнь обитателей и гостей старинного дома, красивая, поэтическая, в то же время представляется какой-то условной, ненастоящей — «хорошим сном». А реальная действительность — это грубая жизнь людей подневольных, поработанных трудом.

В чем же видит выход Чехов и его герой? В том, чтобы не поддерживать существующий порядок, а в корне изменить его. Но как? О революции здесь нет и мысли. Художник ищет спасения в том, чтобы весь труд был поровну разделен между всеми. «Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно... Как иногда мужики починаят дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, и, я уверен в этом, правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти».

Эта мысль — благородная, но наивная — охватывает художника, но он еще ничего не предпринимает.

Чехов не мог удовлетвориться поэзией и красотой, которые доступны только небольшой части людей. Как ни привлекателен, как ни симпатичен дом с мезонином, чеховский герой покидает его и уходит «по ту сторону» широкого пруда, устремляется к миру труда и лишений. Вот почему символична печальная развязка рассказа — Мисюсь исчезла, как сон, как мечта; не быть счастьем среди горя и страданий...

По З. Паперному